

Вода в тазу была ещё горячевата. Нин Гуйчжу проверял её температуру и размышлял, не добавить ли холодной воды. Вышедший Сюн Цзиньчжоу увидел, что Нин Гуйчжу задумчиво смотрит на таз для мытья ног, присел рядом и коснулся воды рукой.

— Горячо?

— Немного.

Едва Нин Гуйчжу договорил, как Сюн Цзиньчжоу уже поднялся и пошёл за холодной водой. Когда температура воды стала подходящей, Нин Гуйчжу опустил ноги в таз. От прежнего жара его светлая кожа слегка покраснела. Сюн Цзиньчжоу несколько мгновений смотрел на это, затем сходил на кухню и принёс два мыльных боба для купания, после чего снова присел перед Нин Гуйчжу.

Тот растерялся и машинально попытался убрать ноги, но Сюн Цзиньчжоу оказался быстрее. Схватив его за щиколотку, он с самым невинным видом сказал:

— В последние дни ты много работаешь по дому, устаёшь. Я помну тебе ноги.

Нин Гуйчжу: «...»

Если бы это было сразу после его переселения в этот мир, он, возможно, ещё поверил бы в такую сказку. Несколько секунд посмотрев на Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу с видом человека, смирившегося с судьбой, снова опустил ноги в воду и всё же предупредил:

— Полегче. У тебя слишком большая сила.

Брови Сюн Цзиньчжоу тут же взлетели вверх.

— Не волнуйся!

Надо признать, руки у него действительно были умелые. Нин Гуйчжу стало так комфортно, что, когда Сюн Цзиньчжоу вынес воду после мытья ног, он даже подумал отплатить тем же. Но Сюн Цзиньчжоу неожиданно схватил его за запястье. Потянув на себя, он поймал Нин Гуйчжу, который чуть не потерял равновесие, поддержал его за талию и поцеловал в щёку.

— Иди пока внутрь, я скоро приду.

Нин Гуйчжу замер. Как ни прислушивайся, в этих словах будто скрывался какой-то двусмысленный подтекст. Он бросил на Сюн Цзиньчжоу пару косых взглядов. Тот выглядел совершенно серьёзным, поэтому Нин Гуйчжу после недолгих раздумий всё же первым вернулся в спальню.

И только когда Сюн Цзиньчжоу вошёл следом, Нин Гуйчжу наконец понял, что такое настоящий человек с двумя лицами.

На следующее утро.

Нин Гуйчжу открыл глаза и уставился на полог над кроватью. Голова совершенно не соображала, и в ней крутилось лишь одно слово - спать. Усталость во всём теле настойчиво тянула его обратно в сон. По-настоящему проснулся он только тогда, когда почувствовал аромат еды.

Медленно сев, Нин Гуйчжу посмотрел на сбившееся у талии одеяло и следы на собственном теле, после чего тяжело вздохнул. Опять придётся стирать простыню. Хорошо хоть вчера он заранее отодвинул одеяло в угол.

Едва Нин Гуйчжу оделся, как дверь спальни распахнулась. Сюн Цзиньчжоу широким шагом вошёл внутрь. Увидев, что тот уже одет, он тут же отвёл его от кровати и сказал:

— Иди выпей воды и умойся. Здесь я сам всё приберу.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу и не собирался спорить. Это была работа, которую кое-кто вполне заслужил.

Выйдя из спальни, он обнаружил, что во дворе уже развешена простыня. Причём простыня показалась ему подозрительно знакомой. Несколько секунд он смотрел на неё, затем неторопливо вернулся в спальню и уставился на кровать.

Сюн Цзиньчжоу как раз закончил её застилать. Обернувшись и увидев выражение лица Нин Гуйчжу, он испуганно дёрнулся:

— Ч-чего случилось?

Нин Гуйчжу спросил:

— Откуда на кровати эта простыня?

Услышав вопрос, Сюн Цзиньчжоу виновато потёр нос и кашлянул:

— Вчера ночью я вырезал её из куска ткани.

Накануне Нин Гуйчжу был настолько сонным, что почти не просыпался, пока его приводили в

порядок. Но потом, почувствовав, что простыня испачкана, наотрез отказался ложиться обратно в кровать. У Сюн Цзиньчжоу не осталось выбора - пришлось отрезать большой кусок грубой ткани из домашних запасов и постелить его вместо простыни.

Услышав это, Нин Гуйчжу только «угукнул» и пошёл наружу:

— Сними простыню. Сегодня я обработаю края, чтобы потом не обтрёпывалась.

— Хорошо!

Увидев, что его не отругали, Сюн Цзиньчжоу снова оживился. Он убрал одеяло и подушки в сторону, снял простыню, аккуратно сложил и положил на стол.

Умывшись, Нин Гуйчжу заглянул на кухню. Завтрак, как и ожидалось, был супом с яйцом и кусочками теста, свежей нежной зеленью и зелёным луком. Судя по виду теста, сначала Сюн Цзиньчжоу хотел сделать лапшу, но неизвестно как превратил её в кусочки.

Нин Гуйчжу разлил суп по двум чашкам, поставил на стол и рядом налил ещё две чашки прохладной воды. Сюн Цзиньчжоу вошёл на кухню, сел рядом с Нин Гуйчжу есть и заодно рассказал, что произошло с утра. Утренние дела были всё теми же, и он уже давно делал их привычно. Единственная проблема случилась при замешивании и нарезке теста: две собаки почему-то ворвались на кухню и никак не отставали от него. Из-за них он несколько раз испортил тесто, так что в итоге вместо лапши и получился этот суп с кусочками теста.

Втянув большую порцию, Сюн Цзиньчжоу невнятно пожаловался:

— У этих двоих теперь смелости всё больше.

Нин Гуйчжу, как главный виновник того, что щенки стали такими смелыми, на миг отвёл взгляд:

— Так они же видят, что ты не злой. Щенки умные, они по характеру человека понимают.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Это он не злой? Да он просто видит, как Нин Гуйчжу их балует, и боится быть слишком строгим, чтобы тот не расстроился!□

Но сказать это нельзя: в конце концов, это было лишь предположение Сюн Цзиньчжоу. Он сердито втянул ещё кусок теста и уже хотел сменить тему, как вернулся один из виновников того, что на завтрак им достались не лапша, а кусочки теста.

Эрцай с громким «гав-гав-гав» ворвался на кухню. Увидев, что Нин Гуйчжу тоже сидит за столом, он тут же проигнорировал Сюн Цзиньчжоу, подбежал к Нин Гуйчжу, стал тереться о его ноги, поскуливать и тянуть зубами за штанину наружу.

Нин Гуйчжу приподнял бровь. Их щенки, конечно, были ласковыми, но такое поведение он видел впервые. Он поднял глаза на Сюн Цзиньчжоу, взглядом спрашивая, было ли утром так же. Сюн Цзиньчжоу кивнул и потянулся, чтобы схватить щенка и выкинуть наружу. Но, возможно, уже пережив подобное, Эрцай отпрыгнул в сторону, увернулся от руки и снова принялся тереться о Нин Гуйчжу.

— Мне кажется, он нас зачем-то зовёт, — нерешительно сказал Нин Гуйчжу, уже откладывая палочки.

Сюн Цзиньчжоу, видя это, поднялся вслед за ним, но особого значения его словам не придал:

— Какие у собаки могут быть дела?

— Сходим посмотрим. Много времени это не займёт.

Нин Гуйчжу вышел из кухни вслед за щенком.

Эрцай бежал впереди. Хотя он уже заметно подрос, его пухлое тельце всё ещё колыхалось на бегу мягкими волнами. Он провёл Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу вокруг двора к задней стороне навеса для мула. Даван стоял там на страже, а перед ним копошились два маленьких чёрных комочка.

Нин Гуйчжу невольно ускорил шаг. В тени с первого взгляда ему даже показалось, что щенки притащили мышат. Пока он колебался, Да-ван пошевелился, и два комочка у его лап тоненько пискнули.

Звук был похож на... кошачий?

Они присели перед Да-ваном. Два котёнка были грязные, в земле и травяной трухе, едва живые - дышали тяжело и слабо. Неизвестно, откуда Даван и Эрцай их вытащили.

Нин Гуйчжу постелил на землю платок, но ещё не успел ничего сделать, как Сюн Цзиньчжоу с его отличным зрением уже догадался о намерении и первым положил котят на ткань. Завернув их, он осторожно взял свёрток в ладони.

— Пойдём, вернёмся.

— Ага, хорошо.

Нин Гуйчжу поспешно пошёл рядом, то и дело поворачивая голову к двум некрасивым маленьким котяткам.

— Такие крошечные... Их мама-кошка бросила?

Сюн Цзиньчжоу, чувствуя состояние мелких в руках, сказал:

— Не знаю. Но матери у них точно уже нет.

То ли кошка сама их бросила, то ли её кто-то съел - этого уже не узнать.

Нин Гуйчжу второй возможности не уловил. Глядя, как два крошечных комочка слабо пищат, он не удержался, осторожно ткнул одного пальцем и с надеждой посмотрел на Сюн Цзиньчжоу:

— Давай оставим? С кошками можно будет не бояться мышей.

Увидев его ожидание, Сюн Цзиньчжоу сказал:

— Оставим. Кошки едят немного.

— Угу! — Нин Гуйчжу радостно закивал.

Разговаривая, они вошли во двор. Сюн Цзиньчжоу положил котят у очага, чтобы они согрелись, и только потом вышел мыть руки. Нин Гуйчжу снова разжёг очаг, взял яйцо и разбил его в чашку, размешивая. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу вымыл руки и вошёл, он сказал:

— Ты сначала ешь, а то опоздаешь на службу.

— Хорошо.

Солнце уже поднялось, время и правда было не раннее. Когда вода в котле закипела, Нин Гуйчжу размешал её воронкой и медленно влил яйцо. Немного поварив, пока яйцо полностью не разошлось, он перелил яичный суп в чашку остывать. Две собаки ещё раньше последовали за ними внутрь и теперь окружили пищащих котят, с любопытством рассматривая. Время от времени они подходили и лизали их, слизывая с шерсти грязь и травинки.

Нин Гуйчжу посмотрел на это, поставил чашку на стол и, продолжая завтракать, время от времени помешивал и дул на суп.

— Даже не знаю, можно ли котяткам такое есть.

В современной жизни Нин Гуйчжу был обеспечен всем необходимым и всё время занят, поэтому никогда не думал заводить таких маленьких существ. Максимум - иногда, когда ему попадались видео о спасении животных, он видел в комментариях, что у кошек бывает непереносимость лактозы или что кошкам нельзя есть крахмалистую пищу. Но эти двое малышей родились не вовремя. Сейчас для них даже крахмалистая еда уже считалась бы хорошим питанием.

Сюн Цзиньчжоу взглянул туда:

— Не волнуйся. Дикае кошки живучие. Будет хоть что-то поесть - выживут.

Один думал, как бы кошки выросли здоровыми, другой - чтобы просто выжили. Их мысли совершенно не совпадали, но Нин Гуйчжу всё равно рассмеялся:

— Ты прав, я тебя послушаю.

Увидев его улыбку, Сюн Цзиньчжоу тоже не удержался и приподнял уголки губ. Он быстро доел лапшу, добавил себе ещё и, когда наелся досыта, взял чашку с яичным супом и начал остужать.

— Ты спокойно ешь. Я займусь ими

— Хорошо.

Они только успели немного притихнуть, как пришёл Сюн Цзиньпин.

— Цзиньчжоу, я пришёл за мулом.

— Хорошо, он рядом. Старший брат, иди забирай.

Сюн Цзиньчжоу ответил и вышел. Увидев, что Маньтоу стоит в навесе и равнодушно смотрит на Сюн Цзиньпина, он подошёл и потянул его:

— Сегодня будешь хорошо работать со старшим братом, понял?

Услышав слово «работать», Маньтоу заметно оживился и бодро выбежал наружу. И винить его было не за что: в голове этого малыша «работать» означало утром прогуляться до уездного города, а вечером прогуляться обратно.

Сюн Цзиньпин похлопал его:

— Даже знает, что с чужими не ходить. Умный какой.

Сюн Цзиньчжоу самодовольно сказал:

— Раз он с первого взгляда приглянулся Чжу-геру, разве может это быть обычный мул?

Сюн Цзиньпин: «...»

Он уже окончательно смирился с привычкой младшего брата везде и всюду нахваливать Чжу-гера. Чжу-гер, конечно, был очень хорош, но это всё равно выглядело так, что хотелось дать кому-нибудь подзатыльник.

Сюн Цзиньчжоу совершенно не волновало, что думает старший брат. Похвалив собственного супруга, он проводил брата и мула к воротам. Сюн Цзиньпин скользнул взглядом по яичному супу, который тот помешивал в руке, и предусмотрительно ничего не спросил, чтобы кое-кто снова не нашёл повода болтать без остановки.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся с чашкой яичного супа, Нин Гуйчжу даже спросил:

— Старший брат не спросил, зачем ты носишь этот яичный суп?

Дуешь на него полдня и не пьёшь - сразу видно, что что-то не так.

— Нет.

Сюн Цзиньчжоу вспомнил выражение лица брата, немного помедлил и неуверенно сказал:

— Кажется, старший брат подумал, что ты специально приготовил его для меня.

Нин Гуйчжу: ?

Он не совсем понял ход мыслей этих братьев. Наверное, старший брат просто не слишком обращает внимание на мелочи.

Нин Гуйчжу не стал долго об этом думать. Допив свой суп с тестом, он доел и то, что Сюн Цзиньчжоу оставил ему, после чего слегка переевший начал прохаживаться по кухне, заодно поглядывая на котят. Двое малышей давно проголодались и теперь, жалобно пища, тыкались в собачий живот. Эрцай сбежал быстро, и только Даван остался лежать с видом полного отчаяния, позволяя котяткам старательно грызть его соски. Когда становилось больно, он поднимал лапу и отодвигал котят чуть дальше.

Поскольку Даван почти не прикладывал силы, это сопротивление для выпрашивающих еду котят было совершенно незаметным. Они по-прежнему причмокивали на его животе.

Нин Гуйчжу взглянул на зад Давана и просто отвёл глаза. Хотя это был маленький кобелёк, раз уж они с Эрцаем принесли котят домой, видимо, уже приготовились стать матерями.

Сюн Цзиньчжоу всё ещё остужал яичный суп, а Нин Гуйчжу ловко взял чашки с палочками и вышел.

Сюн Цзиньчжоу выглянул:

— Чжу-гер, давай я вымою.

— Ничего, посуду мыть недолго, — ответил Нин Гуйчжу, не оборачиваясь.

Сюн Цзиньчжоу не стал настаивать. Он продолжил остужать суп и заодно прибрал кухню. Когда Нин Гуйчжу поставил вымытые чашки и ложки в шкаф, суп наконец остыл. Они вдвоём присели рядом с Даваном, посмотрели на котят, потом переглянулись и пальцем намазали немного яичного супа на сосок Давана. Котят отодвинули человеческие руки, но они тут же инстинктивно вернулись обратно. Почувствовав запах еды, они сразу стали сосать ещё усерднее.

— Похоже, им нравится, — сказал Сюн Цзиньчжоу и передал чашку Нин Гуйчжу. — Я найду им какую-нибудь мелкую кормушку, а ты ещё подуй.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу остужал суп в чашке. Услышав недовольное поскуливание Давана, он с улыбкой погладил его по голове:

— Ладно-ладно, скоро снова сможешь играть.

— Уф-гав!

Человеческого языка щенки не понимали, зато Сюн Цзиньчжоу вернулся быстро. Он положил на пол принесённый кусок бамбука.

— Нашёл только один.

У этого бамбукового куска по краям ещё оставались перегородки, как раз чтобы суп не вытекал. Бамбук уже был вымыт. Нин Гуйчжу налил туда немного яичного супа, затем

поставил двух малышей перед ним и, обмакнув палец в суп, поднёс к их ртам, заманивая пить. Котята были ещё слишком маленькими и не умели лакать языком, зато очень хотели есть и едва не ныряли туда головами. В итоге людям пришлось сидеть рядом и следить, пока они ели.

<http://bllate.org/book/14958/1698650>